

Не успела она обернуться, как Чи Илань поднялся, даже не взглянув на неё. Бросив на ходу: — В аптечке есть мазь, разберёшься сама, — он ушёл.

Гу Пинву осталась сидеть на месте. Её сердце всё ещё бешено колотилось, а пальцы судорожно сжимали подол платья. Лишь когда ткань окончательно измялась и пропиталась потом, она смогла беззвучно выдохнуть.

По правде говоря, такое пренебрежение границами допустимо лишь между маленькими детьми. Но они давно уже не дети. Хотя он постоянно твердит, что она ещё ребёнок, и вечно пытается поучать её с видом взрослого человека, это не отменяет того факта, что разница в возрасте у них всего в несколько месяцев.

Сколько бы Гу Пинву ни ломала голову, она не могла поверить, что Чи Илань решил воспользоваться ею. Чтобы Чи Илань стал распускать руки? Это просто невыносимо. В детстве они виделись нечасто, но, учитывая дружбу их семей, их можно было назвать друзьями детства. Чи Илань не настолько бессовестный человек, чтобы зариться на то, что находится прямо у него под носом.

Но если у него не было никаких скрытых намерений, то зачем он, совершенно не стесняясь, задрал ей подол платья... Неужели он настолько не ставит её ни во что? Или он попросту вообще не воспринимает её как девушку?

Гу Пинву охватило странное чувство досады. Она медленно поплелась за аптечкой, нашла пластырь от синяков и, нащупав путь, укрылась в туалетной комнате на первом этаже, заперев за собой дверь.

В огромной гардеробной не горел свет. В полумраке Чи Илань сидел на диване, не шевелясь, с руками на коленях. Лишь едва слышное тиканье часов на запястье напоминало о том, что время не застыло.

Чи Иланя охватило необъяснимое беспокойство. Стоило ему закрыть глаза, как перед взором вновь возникала та полоска белоснежной кожи, которую он увидел, когда поднял край её платья. Он читал в книгах описания вроде кожа, подобная нефритовой глади, но лишь в тот момент осознал, почему древние авторы использовали именно такие сравнения.

Спина, белая, как снег, с изящным изгибом по бокам. Он не ожидал, что она настолько худенькая, что даже позвонки проступали под кожей. Синяк размером с большой палец, расположившийся чуть выше тазовой кости — в самом тонком месте, — вызывал непреодолимое желание обхватить её рукой, чтобы проверить, действительно ли её талию можно обхватить ладонью.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда в тишине раздался её голос.

— Чи Илань! — позвала она, словно немного испугавшись. — Ты куда спрятался?

Он спустился вниз. Она стояла на лестнице с аптечкой в руках, задрал голову.

— Ты куда уходил? — Гу Пинву старалась выглядеть невозмутимой, но взгляд выдавал её растерянность. — Я тебя обыскалась.

Чи Илань, ничего не ответив, спустился к ней, забрал аптечку и спросил:

— Останешься сегодня у меня?

— А? — Гу Пинву прикинулась, что не поняла.

Чи Илань проигнорировал её реакцию и продолжил:

— Что скажешь дома? — Он поставил аптечку на место и, повернувшись к ней спиной, открыл холодильник.

Гу Пинву не видела его выражения лица и не могла понять, хочет ли он оставить её у себя или, наоборот, выпроваживает. Она знала лишь одно: уходить ей не хотелось.

Чи Илань подошёл к ней с напитком в руках. Она уже звонила по телефону, даже не пытаясь скрыться от него. Сначала позвонила Лу Сян, сказав, что останется ночевать у двоюродной сестры. Затем позвонила сестре, попросив её прикрыть, если возникнут вопросы. Она всегда была примерным ребёнком, поэтому Лу Сян не заподозрила неладное и лишь наказала ей не пить ничего сомнительного и быть осторожнее.

Но когда дошла очередь до Лу Юйчжоу, та прямо спросила:

— У какой ещё одноклассницы? У Чи Иланя?

Гу Пинву застали врасплох. Увидев, что Чи Илань протягивает ей напиток, она лишь беспомощно пробормотала: — А... — и он перехватил трубку.

— Это Чи Илань, — спокойно представился он. Он некоторое время слушал собеседницу, изредка произнося «угу», после чего повесил трубку и повернулся к ней: — Она разрешила. Сказала, чтобы я хорошо о тебе позаботился.

Гу Пинву сжимала в руках холодную бутылку, опустив глаза. Это был персиковый «Кальпис». В доме Чи Иланя работал мощный кондиционер, а она с детства была зябкой, поэтому её ладони быстро покраснели от холода, но она так и не выпустила напиток из рук.

Они стояли в гостиной в неловком молчании несколько секунд. Гу Пинву показалось, что

неловко только ей одной.

Чи Илань быстро открыл для неё крышку бутылки и спросил:

— Хочешь посмотреть на мои скейтборды?

Она тут же подняла голову, и её глаза засияли:

— Хочу.

У этого особняка было целых два подземных этажа. На первом располагались кабинет и небольшая гостиная, а второй этаж напоминал индустриальный склад. Пол и стены выглядели как необработанный бетон, но в деталях чувствовалась рука мастера.

На стеллажах вдоль стен лежали старые скейтборды: с автографами, с сильными следами износа, были даже сломанные доски, которые хранились отдельно. А вот новенькие, на которых, судя по всему, даже не катались, были небрежно свалены в кучу в стороне. Повсюду стояли ящики с инструментами и всевозможными запчастями. Это место было похоже на магазин скейтбордов, ожидающий открытия.

Она спокойно огляделась, присела в тишине и протянула руку к сломанной пополам доске, лежащей в углу. Чи Илань заметил, как на её спокойном лице промелькнула тень эмоции. Она серьёзно подняла на него взгляд:

— Как ты её сломал? Наверное, потребовалось много сил?

У скейтеров есть такой ритуал: когда они празднуют победу или завершение сложного трюка, они со всей силы прыгают на середину доски, пока та не сломается.

— Это было очень давно, — ответил он.

Гу Пинву моргнула, стараясь не смотреть на его ноги, и поспешно добавила тихое: — Прости.

Теперь у него уже не было сил, чтобы сломать скейтборд.

После этого Чи Илань молча наблюдал за тем, как она бродит по «складу». В помещении становилось всё тише, было слышно лишь, как её пальцы касаются наждачного покрытия досок.

Гу Пинву стало не по себе, она повернулась к нему:

— Ты рассердился?

— М?

— Из-за того, что я сказала глупость.

— Да.

Гу Пинву не ожидала, что он так прямо признается, и это сбило её с толку. Она думала, что из вежливости он хотя бы скажет, что всё в порядке, но кто бы мог подумать, что он... так откровенно признает, что она его обидела?

Чи Илань не сводил с неё глаз. Лицо девушки, бледное от природы, слегка покраснело от смущения. Этот румянец медленно расползлся до самых ушей, придавая ей особенное очарование.

У Чи Иланя на языке вертелась подколка: — Раз ты сказала не то, как собираешься заглаживать вину? — но он так и не произнёс её вслух.

Он развернулся и сказал:

— Уже поздно, иди спать. Завтра досмотрим.

Гу Пинву, обрадованная тем, что он не стал продолжать эту тему, тут же кивнула и последовала за ним.

В гостевой спальне давно никто не жил, и хотя там регулярно проводилась уборка, она не была такой уютной, как главная спальня. Приняв душ, Чи Илань проводил её в хозяйскую спальню, выключил свет и ушёл.

Как только дверь закрылась, Гу Пинву снова включила настольную лампу. Захватив чужую территорию, она принялась исследовать всё вокруг: разглядывала фигурки, модели и книги, расставленные в комнате, и лишь потом забралась в кровать, забыв выключить свет.

<http://bllate.org/book/21436/2190832>